

А

Памяти В. М. Шулятикова

(Некрологи российских газет)

Русские ведомости. 1912 год, № 72, стр. 4

Памяти В.М. Шулятикова

26 марта в Солдатенковской городской больнице умер литератор Владимир Михайлович Шулятиков. Сотрудник многих марксистских изданий, В.М. Шулятиков представлял собой самое ортодоксальное направление марксистской мысли, делал из нее самые прямолинейные выводы как в философской, так и в социально-политической областях. Все, что носило хотя бы тень уклонения от теории классовой борьбы, вызывало с его стороны самое резкое и суровое осуждение. И нужно было знать его близко, чтобы заметить, что в эту броню суровости и непримиримости было заковано сердце высшей степени мягкое и чуткое. Деликатный в отношениях к людям поглощенный всецело своей идеей, он мало был приспособлен к практической жизни и терпел постоянную нужду, которая немало содействовала и его преждевременной смерти (ему было около 40 лет). Жил он исключительно литературным трудом кроме оригинальных статей много переводил с английского, итальянского, испанского, французского и немецкого языков.

В последнее время он много работал над историей первых веков христианства и перед смертью мечтал начать большое исследование, которое должно было осветить с марксистской точки зрения возникновение и судьбу христианства.

Если бы этой книге суждено было появиться, она, вероятно, встретила бы такие же резкие отзывы, как и выпущенная им в 1908 году книга "Оправдание капитализма в западно-европейской философии". Но как бы ни относиться к тем взглядам, которые с таким упорством защищал покойный В.М. Шулятиков, относительно личности его не может быть двух мнений: он был бескорыстным и беззаветно преданным рыцарем своей идеи.

Л. К.

Русское слово, 1912 год, № 73, стр. 5

Умер В.М. Шулятиков.

Он принадлежал к тому все более редющему поколению интеллигенции, которое еще видело истинный смысл жизни в неуклонном и бескомпромиссном служении идее ради идеи.

В годы студенчества, в эпоху безвременья, он был весь занят отвлеченно-научным и эстетическими вопросами, переводил испанских драматургов и писал стихи. Уловив чутким ухом пробуждение новой жизни, он, не колеблясь, подверг коренной переоценке все свое мировоззрение, свои привычки и симпатии. И хотя эта ломка была далеко не безболезненна, он мужественно довел ее до конца и мужественно принял на себя все вытекавшие из нее идейно-нравственные и практические последствия.

Этой железной последовательностью была потом отмечена вся его жизнь, вся его деятельность. Примкнув к марксистскому учению, он придерживался его наиболее ортодоксального толкования, и в этой последовательной форме, боявшейся всяких компромиссов с другими течениями мысли, он применял его ко всем вопросам, которые его интересовали, а интересовали его все вопросы, от политико-экономических до философских и литературных. Произведя впечатление олицетворенной идейности и принципиальности, он обладал почти детски-нежным сердцем, умевшим тепло привязываться не только к людям, но и к животным, особенно если они нуждались в помощи и уходе. Весь ушедший в служение идее, он был до смешного равнодушен к материальной стороне жизни, не дорожил комфортом, не думал о карьере, живя бедно и просто, как те миллионы тружеников, интересы которых были ему так дороги.

В эпоху оборотливости и измен, шатанья и компромиссов он казался вечно бодрствовавшим часовым, день и ночь стоявшим на страже чистоты того дела, которому служил.

И умирая в весну, похожую на осень, он, вероятно, более всего жалел о том, что не увидать ему того времени, когда на земле и осень станет похожей на весну.

Еще в университетские годы В.М. примкнул к кружку литературной молодежи, в который входили: К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, В.М. Фриче, П.С. Коган и другие. Но уже вскоре по выходе из университета В.М. решительно порвал с эстетическим мировоззрением и посвятил себя изучению экономических и социальных вопросов. В конце девяностых годов он принимал ближайшее участие в